

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.25>

Кекеева Татьяна Михайловна, Оголова Людмила Анатольевна, Дальдинова Эльза Очир-Горяевна
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУЩНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ СТРУКТУРАЛИЗМОМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМОМ

В настоящей статье предпринята попытка исследовать интерпретации сущности литературы на основе концепций структурализма и постструктурализма. Основное внимание уделяется литературе как результату творчества, в котором соблюдены особые требования. На основе анализа отношения двух школ (структурализма и постструктурализма) к тексту, знаку, значению установлено, что структуралисты и постструктуралисты способствовали появлению новых взглядов на сущность литературы с точки зрения понимания знака и символа как основы языка, письменности и литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 120-123. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 02.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.25>

В настоящей статье предпринята попытка исследовать интерпретации сущности литературы на основе концепций структурализма и постструктурализма. Основное внимание уделяется литературе как результату творчества, в котором соблюдены особые требования. На основе анализа отношения двух школ (структурализма и постструктурализма) к тексту, знаку, значению установлено, что структуралисты и постструктуралисты способствовали появлению новых взглядов на сущность литературы с точки зрения понимания знака и символа как основы языка, письменности и литературы.

Ключевые слова и фразы: Р. Барт; интерпретация; критика; литература; структурализм; постструктурализм.

Кекеева Татьяна Михайловна, к. филол. н., доцент

Оголова Людмила Анатольевна, к. филол. н., доцент

Дальдинова Эльза Очир-Горяевна, к. пед. н., доцент

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста

T.Kekeeva@yandex.ru; oholova.ludmila@yandex.ru; daldinova@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУЩНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ СТРУКТУРАЛИЗМОМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМОМ

Проблема определения сущности литературы актуальна в настоящих условиях на фоне интенсивного развития средств массовой информации, дифференциации форм культуры, усиления влияния Интернета, наплыва аудиовизуальной продукции, развития современных форм книгоиздания и распространения полиграфической продукции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения существующих трактовок сущности литературы структурализмом и постструктурализмом.

В теоретическом плане интерпретация сущности литературы присутствует в скрытом виде в литературоведческом анализе произведения – от определения его жанровой принадлежности или особенностей истории создания до анализа построения сюжета или стилистического своеобразия, при которых специфика этой проблемы воспринимается по-разному, в зависимости от сложившихся в критике и литературном анализе традиций, теоретических предпочтений или вкусов читателя. В любом случае для суждения о ценности произведения важно опираться на непротиворечивое представление о сущности литературы, что и делает исследование ее трактовок актуальным.

Цель статьи – проанализировать определение сущности литературы структурализмом и постструктурализмом, определить их взаимодействия, основные сходства и различия. Наши **задачи**: 1) рассмотреть процессы формирования понятия сущности литературы, получившего отражение в литературоведческих статьях, лекциях, работах наиболее известных в Западной Европе и США литературоведческих и литературно-критических исследователей; 2) выявить понимание сущности литературного произведения структурализмом и постструктурализмом; 3) определить отношение представителей двух школ к тексту, знаку, значению.

Научная новизна исследования заключается в анализе исторически обусловленного изменения взглядов различных школ на сущность литературы.

Понимание сущности литературы является средоточием острых практических и теоретических проблем при оценке литературного процесса, выработке адекватного отношения к ценности литературного творчества, определении его места и роли в истории культуры, в формировании системы просвещения, образования, эстетического воспитания [7].

Можно было бы предположить, что сколько существует писателей, столько можно дать и определений сущности литературы. Однако общее и особенное в их творчестве заставляют вновь и вновь привлекать внимание исследователей к феномену творчества, особенностям слова и стиля, возможностям понимания и восприятия читателем символической архитектоники самовыражения писателя, метафоричности его «кодов» прямого выражения и работы подсознания – и все это нередко ради отыскания наиболее полного понимания сущности литературы как таковой, литературы, способной волновать наши умы и воображение, предназначенной для высоких ценителей или для незатейливого развлечения.

Понимание сущности литературы структурализмом можно обнаружить уже в ранних работах французского теоретика Р. Барта, заявляющего о себе как о стороннике классического структурализма. Его «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» [1] рассматривает структуру и единицы повествования. Р. Барт считает, что критик должен ставить своей целью рассмотрение всех единиц повествования независимо от времени толкования, поскольку литература – это вечная, высшая ценность. Барт стремится к стилю, отличающемуся свободой изложения, при которой можно выйти за рамки структуралистских условностей («значения слова»), показать при этом, к чему надо стремиться в литературе.

Реализм, по мнению Р. Барта, стремится скрыть социально-относительную, выстроенную природу языка, спекулирует на заблуждениях по поводу существования «обыкновенной» формы языка. Данная форма языка раскрывает истинную действительность, не приукрашивая и не изменяя ее. Знак рассматривается как открытая абсолютно прозрачная грань объекта. Литература, отсюда, должна передавать значение, не взаимодействуя с ним. «Реалистический» или «репрезентационный» знак Р. Барта, по мнению Т. Иглтона, порочен

по самой своей сути, он отбрасывает собственный статус знака, чтобы подпитывать иллюзию того, что мы воспринимаем реальность без вмешательства в нее [6]. Продуктивный характер языка при этом не учитывается.

Постструктурализм, свободно обращаясь с текстами, не считает, однако, возможным приписать произведению какую угодно интерпретацию. Литература становится не столько предметом, которому критика должна соответствовать, сколько простором для упражнений. Все литературные тексты неоригинальны по своей природе. Они основаны на других текстах, существовавших до них. Литература – это не автор, а читатель, иная точка полисемической множественности, с которой на мгновение фокусируется бурлящая множественность значений.

М. Фуко пишет, что цель литературного творчества – «создать некое пространство, в котором постоянно растворяется пишущий объект» [10, с. 71]. Р. Барт утверждал, что на смену автору приходит скриптор. «Смерть автора» происходит из-за того, что он перестает быть единственным источником [2, с. 232].

Переход от структурализма к постструктурализму означал перемещение внимания с «произведения» на «текст», отход от взгляда на поэзию или прозу как на закрытый объект, содержащий определенное значение.

Постструктуралисты полагали, что текст нельзя считать самодостаточным образованием, так как в нем неизбежно присутствуют следы других текстов. Р. Барт использует понятие «интертекст» – текст, который сочетает в себе «старые цитаты» [Там же, с. 413].

В работе Р. Барта “S/Z” [12] используется метод, по которому текст О. Бальзака разделяется на ряд «лексий». Для их анализа применяется пять кодов: «пропаретический» (или повествовательный); «герменевтический» код, относящийся к раскрывающимся загадкам в сюжете; «культурный» код, исследующий совокупность социальных знаний, на которые опирается произведение; «семический», относящийся к коннотациям персонажей, мест и предметов; «символический», очерчивающий сексуальные и психоаналитические отношения, данные в тексте.

Анализ соответствует практике структуралистов. Однако данные коды не имеют иерархии, не указаны случаи их применения, возможность одновременного использования нескольких кодов к анализу одной мысли. Р. Барт утверждает, что текст в меньшей степени «структура», чем открытый процесс «структурирования», и это «структурирование» осуществляется критикой.

Структурализм – комплекс направлений в ряде наук, объединяемых общими философско-эпистемологическими представлениями, методологическими установками и спецификой анализа, складывавшимися в период с начала XX века и по 1940-е годы включительно.

В формировании структурализма участвовали выдающиеся ученые Ф. де Соссюр [9], Ж. Деррида [4; 5], Р. Барт [1-3; 11; 12], Ю. М. Лотман [8], К. Леви-Стросс [16], Р. Якобсон [15] и др. Они способствовали появлению новых взглядов на сущность и определение литературы с точки зрения понимания знака и символа как основы языка, письменности и литературы. Чтобы понять, что такое литература, необходимо раскрыть смысл языковых значений и различий, соответственно определением литературы становится представление о ней как об области художественного творчества, отличающейся использованием неограниченных возможностей многозначности текстуальных форм. Подобный подход отличает объяснение специфики литературного текста в трудах многих ученых – представителей школы структурализма, вышедших на английский язык в разные годы.

Таким образом, для структуралистов литература – это область слов, значение которых никогда не тождественно самому себе. Оно есть результат процесса разделения, артикуляции знаков, являющихся тем, что они есть, в силу того, что они не другие знаки. Значение является также чем-то отсроченным, предстоящим. Значение никогда не тождественно самому себе еще и в том смысле, что знаки должны быть повторяющимися, воспроизводимыми. Нельзя назвать «знаком» нечто, встретившееся лишь однажды. То есть воспроизводимость знака есть также составная часть его идентичности. Но в то же время воспроизводимость является фактором, обуславливающим дробление этой идентичности, так как знак может быть воспроизведен в ином контексте, меняющем его значение. «Мы просто встречаем какой-либо знак в различных ситуациях. И хотя во всех этих ситуациях должно проследиваться определенное постоянство знака, чтобы его можно было опознать, поскольку контекст всегда иной, знак не остается абсолютно неизменным, он никогда полностью не тождествен самоду себе» [13, р. 92].

Структуралисты не считают литературу средством познания действительности. Многие западные литературоведы, обращаясь к проблемам смысловой интерпретации как главному в понимании сущности литературы, приходят к убеждению, что структурализм не способен постичь динамику художественного развития ввиду его исторической статичности [14]. Общий подход большинства исследователей исходит из ряда таких взаимосвязанных теоретических принципов, как:

- литература имеет специфическое художественно-текстуальное определение;
- литературные значения слова сопоставимы с его лингвистическими значениями, но не тождественны им;
- литература – средство усиления многообразия значений слова;
- литература включает в себя в качестве материальной основы текст, который в свою очередь имеет относительно самостоятельное значение.

По поводу смысла этих общих принципов структурного понимания сущности литературы следует прежде всего напомнить, что Ф. де Соссюр [9] утверждал, что значение состоит из многих означающих. Их взаимодействия сложны. Означаемые превращаются в означающие, и наоборот. Этот процесс бесконечен. Данное течение в лингвистической науке, часто именуемое «постструктурализмом», отделило означаемое от означающего.

Язык постоянно меняется, все его составляющие находятся в процессе перемен. В соответствии с теорией структурализма, в знаке ничто никогда не представлено полностью: было бы заблуждением полагать, что персонаж может быть полностью представлен другому лицу в том, что он говорит или пишет, поскольку использование знаков ведет к тому, что значение, которое писатель хочет передать, расплывчато, расчленено и никогда не тождественно самому себе. Письмо как бы лишает автора его сущности; это опосредованный

способ общения, бесцветная, механическая передача говорения, всегда в какой-то степени отдаленная от сознания пишущего. Важно найти знак, который определил бы значение всех других, так называемое «трансцендентальное означающее», и то исходное, изначальное значение, на которое, казалось бы, наталкивают все знаки (так называемое «трансцендентальное означаемое»).

То, что подобное трансцендентальное понимание сущности литературы можно считать лишь воображаемым, хотя, возможно, и необходимым, вытекает, по мнению структуралистов, из предложенной ими общей теории языка. Можно согласиться, что не существует понятия, не вовлеченного в бесконечную игру означения, не пронизанного следами и отзвуками других идей. Другая проблема состоит в том, что общественное мнение, идеология «возносят» некоторые значения на привилегированные позиции, делают их центральными по отношению к другим значениям, образуя сущность, представление о том, что такое литература. Телеология, как интерпретация сущности литературы в рамках ориентированности на это начало начал, помогает упорядочению, выстраиванию значений в иерархию по признаку важности, пунктуальности, корректности в них в свете конечной цели. Но подобное понимание сущности литературы как простой линейной эволюции не отражает описанного здесь сложнейшего переплетения знаков, с чередованием присутствия и отсутствия, с возвратно-поступательным и отклоняющимся движением в языке как процессе создания литературы. Структурный анализ поэтического языка является основой создания образа и символа в любом стихотворном произведении, и только через него можно объективно оценить художественные достоинства произведения-стихотворения [14].

Идеи структурализма явились необходимым, во многом плодотворным этапом теоретического осмысления сущности литературы со специфических позиций лингвистики, которые способствовали возникновению нового литературоведческого, литературно-критического понимания сущности литературы постструктурализмом, теорией чтения и психоанализом.

Структурализм, исторически прошедший сложный путь образования различных школ и течений, можно считать началом нового этапа лингвистического анализа – постструктурализма, являющегося в научной практике употребительным понятием.

В зарубежном, в частности в англоязычном, литературоведении структурализм стал обозначением особого теоретического направления, которое наряду с анализом других проблем интересовало объяснением сущности литературы.

Жак Деррида, известный французский теоретик, один из представителей этого направления, считал «метафизической» любую систему взглядов, предполагающую неприступное основание, основополагающий принцип или безупречную основу, на которой возможно создание иерархии значений. Определение литературы не должно опираться на структуру слова. Отсюда сущность литературы определяется тем, что она исключает понятие «бинарной оппозиции», которой так привержен структурализм. «Деконструкция» отвергает оппозицию литература / не литература, как и любое другое абсолютное различие [5, с. 166].

Таким образом, деконструкция выдвинула тезис о том, что бинарные оппозиции, которыми оперирует классический структурализм, представляют собой некий идеологический подход, склонность проводить жесткие границы между приемлемым и неприемлемым, между «я» и «не я», правдой и ложью, смыслом и бессмыслицей, рассудком и сумасшествием, главным и несущественным, внешним и глубинным. Обычно структурализм делил текст на бинарный противоположности. С точки зрения деконструктивной критики литература – это нечто такое, что позволяет показать, как тексты ставят в тупик управляющие ими логические системы; деконструкция демонстрирует это, опираясь на «симптоматичные» точки, где значения заходят в тупик и тексты оказываются в затруднительном положении, распадаются и приходят в противоречие с самими собой.

Деконструкция отвергает оппозицию литературного/нелитературного как всякое другое абсолютизированное различие.

Основное внимание постструктуралисты обращают на идею множественности языковых норм, поскольку, по их мнению, каждое общество и культура обладают своим набором литературных альтернатив и диспутов, не подчиняющихся единым закономерностям создания и существования.

Отсюда литература определяется как результат творчества, в котором соблюдено особое требование: создана модель чтения произведения как конструкции из авторского повествования, вымышленного автором мира, мира, «сконструированного читателем», и «впечатления читателя от текста». Постструктурализм не разделяет творчество на «создание произведения» и «критику».

Структурализм возник в конце XIX века, в эпоху индустриальной революции в Западной Европе. В XIX веке возрос объем печатных изданий. Книжный рынок чутко отреагировал на события внешней и внутренней жизни, возникло большое количество массовых изданий. Именно в такой обстановке стали все более актуальными вопросы о сущности литературы.

Таким образом, постструктурализм, продолживший некоторые идеи классического структурализма в области определения литературы, предложил собственное понимание сущности литературного произведения как процесса «опозиции» лингвистических значений.

Придя на смену структурализму, постструктурализм явился его своеобразной самокритикой, а также в определенной мере естественным продолжением и развитием изначальным присущим ему тенденций.

Постструктурализм в целом можно определить как общеметодологическую основу, на базе которой деконструктивисты и постмодернисты выстраивали свои концепции, отличающиеся фактически лишь сменой исследовательских приоритетов, иными идейно-эстетическими ориентациями и более практическим характером анализа, нацеленного прежде всего на изучение литературы.

Структуралисты и постструктуралисты способствовали появлению новых взглядов на сущность и определение литературы с точки зрения понимания знака и символа как основы языка, письменности и литературы.

Для понимания сущности литературы они считали необходимым раскрыть смысл языковых значений и различий. Определением литературы, таким образом, становится представление о ней как об области художественного творчества, отличающейся многозначностью текстуальных форм.

Список источников

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387-422.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Прогресс, 2000. 431 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Акад. проект, 2007. 432 с.
6. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
7. Кекеева Т. М. Интерпретация сущности литературы в феноменологической критике и герменевтике // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 106-110.
8. Семиотика и искусствометрия: сборник / пер., сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. 364 с.
9. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. 280 с.
10. Фуко М. Что такое автор? // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта, 2004. С. 70-91.
11. Barthes R. Sade, Fourier, Loyola. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1989. 252 p.
12. Barthes R. S/Z. L.: Cape, 1975. 373 p.
13. Eagleton T. Criticism and Ideology. L.: Verso, 1976. 92 p.
14. Falk W. Vom Strukturalismus zum Potenzialismus: Ein Versuch zur Geschichts- und Literaturtheorie. München: Alber, 1976. 399 S.
15. Jacobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. by Th. A. Sebeok. Cambridge, 1975. P. 21-40.
16. Levi-Strauss C. The Savage Mind. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 247 p.
17. Warren R. P. Talking: Interviews. 1950-1978 / ed. by F. C. Watkins, J. T. Hiers. N. Y.: Random House, 1980. 304 p.

INTERPRETATION OF LITERATURE ESSENCE BY STRUCTURALISM AND POSTSTRUCTURALISM

Kekeeva Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogolova Lyudmila Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dal'dinova El'za Ochir-Goryaeva, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista
T.Kekeeva@yandex.ru; ogolova.ludmila@yandex.ru; daldinova@mail.ru

The article attempts to study the interpretation of literature essence on the basis of the conceptions of structuralism and poststructuralism. The focus is on literature as a result of creativity with special requirements. Basing on the analysis of the attitude of the two schools (structuralism and poststructuralism) to the text, sign, meaning, it is shown that structuralists and poststructuralists promoted the emergence of new views on the essence of literature in terms of understanding the sign and symbol as the basis of language, writing and literature.

Key words and phrases: R. Barthes; interpretation; criticism; literature; structuralism; poststructuralism.

УДК 82.01/09

Дата поступления рукописи: 06.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.26>

Статья посвящена осмыслению образа «подпольного» человека в современной русскоязычной прозе И. Абузьярова, творчество которого вступает в диалог с Ф. М. Достоевским. Основное внимание акцентируется на исследовании характерных черт «подполья» и героев «подполья», а также на полемике философии «подполья» Ф. М. Достоевского с философией «подполья» И. Абузьярова. Сделан вывод о сходстве и различиях «подпольного» человека в творчестве И. Абузьярова и парадоксалиста Ф. М. Достоевского. Установлено, что «подполье» выполняет идентифицирующую функцию, с помощью «подполья» раскрываются характеры героев. В данной работе предпринята попытка осветить диалогические отношения, возникающие в творчестве современного писателя и классика.

Ключевые слова и фразы: русскоязычная проза; «подполье»; «подпольный» герой; образ; мотив; И. Абузьяров; диалог; диалогические отношения; идентификация.

Набиуллина Аделя Наилевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
scar-sky@rambler.ru

**«ПОДПОЛЬНЫЙ» ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ
 (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. АБУЗЬЯРОВА)**

Тема «подполья» и «подпольного» человека зачастую рассматривается литературоведами в контексте исследования творчества Ф. М. Достоевского. Однако есть учёные, утверждающие, что данный тип значим